

бова Н. А.) Комплексной межинститутской этноэкологической экспедиции по изучению русских поселенцев на Кавказе (начальник — Большаков В. А., научный руководитель — Козлов В. И.).

⁵ В этих селах действуют также общины прыгунов и максималистов, представляющих собой ответвления секты молокан. Мы не будем останавливаться на них подробно в силу их крайней малочисленности.

⁶ См. об этом более подробно: *Исмаил-заде Д. И.* Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX — начало XX в.). М., 1982; *Долженко И. В.* Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении. (Конец XIX — начало XX в.). Ереван, 1985.

⁷ Памятная книжка Эриванской губернии на 1912 г. Эривань, 1912. Ч. 5. С. 2.

⁸ См. полевые материалы автора: Архив Ин-та этнографии АН СССР. Комплексная межинститутская этноэкологическая экспедиция по изучению русских поселенцев на Кавказе, антрополого-этнографический отряд, 1987 г. Полевые материалы автора.

⁹ *Grigulevich N. J.* Cultural and Ecological Peculiarities of the Traditional Diet of the Russians in Azerbaijan // XII ICAES. Zagreb. July 24—31. 1988. М., 1988.

¹⁰ *Дингельдштедт Н.* Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. СПб., 1885. С. 3.

¹¹ *Спасский Н. И.* Сельскохозяйственно-статистические сведения об Эриванской губернии за 1870 г. // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т. 2. С. 175.

¹² Дореволюционные исследователи отмечали, что у коренных жителей Эриванской губернии, в отличие от русских, не было развито пчеловодство. (*Спасский Н. И.* Указ. раб. С. 190)

¹³ *Долженко И. В.* Указ. раб. С. 65.

© 1990 г.

А. С. Петрова

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

(психологическая антропология
и кросс-культурные исследования)

Когда в советской литературе говорится об этнопсихологическом направлении в этнографии США, под этим, как правило, подразумевается деятельность школы исследований культуры и личности. Основные черты этого направления критически проанализированы в работах советских этнографов и философов¹. Однако советская историография американской этнопсихологии почти исключительно ограничивается критическим анализом концепций названной школы, причем даже в тех работах, где речь должна идти о современных этнопсихологических исследованиях за рубежом².

Наша задача состоит в том, чтобы в общих чертах осветить современные тенденции развития американской этнопсихологии и несколько уточнить бытующую в нашей литературе упрощенную картину.

Как известно, уже в начале 1950-х годов методологические основы школы исследований культуры и личности были подвергнуты аргументированной критике, исходившей не только извне (от представителей других этнографических школ, а также от психологов и социологов)³, но и от ученых, долгое время работавших в русле данного направления⁴. С тех пор школа исследований культуры и личности навсегда утратила ведущее положение в американской этнографии. Однако это совсем не означало, что у ученых угас интерес к обширному спектру проблем, лежащих на стыке этнографии и психологии. Напротив, тематика работ настолько расширилась, что не укладывается теперь в рамки проблемы «культура и личность». В настоящее время обширная область этнографических исследований, имеющих четко выраженный психологический аспект, объединяется под названием «психологическая антропология» (термин, введенный в 1961 г. одним из ведущих современных американских исследователей этого направления Ф. Л. К. Сюем)⁵.

Можно считать, что период становления психологической антропологии как субдисциплины социальной и культурной антропологии завершился к концу 70-х годов. В 1977 г. было основано Общество психологических антропологов (Society for Psychological Anthropology), издающее журнал «Этос» («Ethos»). В 1978 г. начал выходить «Журнал психологической антропологии» («Journal of Psychological Anthropology»). К этому времени появились фундаментальные сводки данных и первые учебники по этой дисциплине⁶.

Переход от термина «культура и личность» к термину «психологическая антропология» не был случайным, а диктовался логикой развития науки. По сравнению с предыдущим периодом психологическая антропология основывается на более объективных теоретических предпосылках, отличается большей методологической строгостью, более последовательно стремится к достоверности выводов, избегая чрезмерно широких обобщений. Положительной оценки заслуживают присущие работам нового периода элементы историзма (методически они выражаются, например, в лонгитюдных исследованиях, позволяющих проанализировать психологические последствия социокультурных сдвигов). Для психологической антропологии характерен учет экологических и экономических условий жизни общества, а также внутрикультурных вариаций и межкультурных контактов⁷.

Развитие психологической антропологии протекает на фоне усиления традиционной тенденции к психологизации американской социальной и культурной антропологии⁸. Еще Р. Линтон определял этнографию (антропологию) как науку, «изучающую человеческое поведение во всех его аспектах»⁹. Принимаемые американскими этнографами (Р. Лоуи, А. Кребер, К. Клакхон, Р. Кисинг и др.) определения ключевого для данной науки понятия культуры используют такие термины, как «поведенческие нормы», «научение», «установка» и т. д., т. е. имеют ярко выраженный психологический аспект¹⁰. Общая психологизация этнографических исследований затрудняет четкое отграничение психологической антропологии от других отраслей этнографии.

Тем не менее можно выделить отдельные *направления*, получившие в рамках психологической антропологии наибольшее развитие. К ним относятся: сравнительные исследования социализации детей (этнография детства); анализ этнокультурной специфики психических заболеваний и примыкающих к ним «измененных состояний сознания»; этнографические исследования влияния культуры на восприятие и мышление и, наконец, изучение национального характера, наиболее прямо связанное с традициями школы исследований культуры и личности.

Этнографическое изучение *социализации детей*, по мнению некоторых исследователей, уже выросло в самостоятельную субдисциплину со своей структурой, собственными теориями и методами¹¹. Важное место моделей социализации в этнической культуре признается всеми исследователями. Однако современная наука давно отказалась от жесткого детерминизма, характерного для представителей направления «культура и личность», непосредственно выводивших особенности культуры и национального характера из традиционных способов ухода за детьми. Школа исследований культуры и личности эксплицитно либо имплицитно исходила из полного единства методов воспитания в данной культуре. Ученые нового поколения отказались от этого упрощенного подхода и считают своей задачей тщательный учет внутрикультурных вариаций, вызываемых, в частности, межкультурными контактами. Поэтому исследования последнего времени обычно не стремятся к широким обобщениям, а ставят перед собой конкретные задачи, например, выявление связи между способами воспитания детей и бытующими в обществе понятиями о болезни и колдовстве. Следует также отметить, что в последние десятилетия традиционные способы воспитания детей рассматриваются с эволюционной точки зрения. При этом более тщательно анализируется их связь с материальной основой жизни общества, с системой его жизнеобеспечения.

В современной этнографии детства ведущее место принадлежит исследованиям Дж. и Б. Уайтинг, основанным как на детальном изучении социализации детей в отдельных культурах, так и на широком статистическом анализе межкультурных сходств и различий в социализации¹².

Определенная преемственность по отношению к школе исследований культуры и личности сохраняется не только в этнографическом изучении социализации, но и в исследовании *национального характера*. Это направление психологической антропологии не принадлежит к числу ведущих. В основном его представляют работы уже упомянутого Ф. К. Сюя¹³. Как известно, именно недостаточно обоснованные обобщения, сделанные при изучении национального характера в рамках школы культуры и личности, вызвали самую острую критику¹⁴. Неудивительно, что с тех пор в этой области произошли значительные изменения. Современному ученому обычно приходится иметь дело не с относительно изолированными и гомогенными этносами, а с имеющими сложную структуру этническими образованиями. Поэтому широко используется выборочный метод, позволяющий учесть влияние социально-экономических переменных. В этих исследованиях уже не может быть места таким понятиям, как базовая личность (основная личностная структура, формируемая данной культурой) или же «модальная личность» (тип личности, наиболее часто встречающийся в данной культурной общности). Скорее изучается своеобразие этнокультурных факторов, которые накладывают определенные ограничения на вариативность типов личности в данном обществе. В частности, Ф. Сюй считает, что психологические особенности общества во многом определяются преобладающей структурой отношений родства, которая в свою очередь предопределяет тип психо-социального гомеостаза, влияющего на все стороны жизни общества. Исследователь опирается в основном на анализ объективированных форм культуры: литературных и религиозных текстов, произведений искусства и т. д. Другие исследователи «национального характера» используют также прямое психологическое тестирование, уделяя большое внимание проблеме выборки¹⁵.

В последнее время все чаще раздаются призывы к междисциплинарному сотрудничеству в изучении психологического облика современных обществ. По утверждению Г. Хофстеде, необходима координация усилий ряда наук — психологии, социологии, политологии и антропологии. В рамках общих исследований антропологи могут внести вклад в изучение сложных индустриальных обществ, выделяя главные аспекты личности и социальные системы, по которым эти общества различаются между собой¹⁶.

Давние традиции в американской этнологии имеет также изучение этнокультурных особенностей *норм психического здоровья* и отклонений от них. Известно, что представители школы исследований культуры и личности, опираясь на психоаналитические концепции, широко применяли психиатрическую терминологию к изучаемым народам и культурам в целом. В частности, Р. Бенедикт рассматривала культуры различных народов как проявления якобы присущей каждому этносу специфической психопатологии¹⁷. На современном научном уровне такие легковесные суждения невозможны. В настоящее время транскультурная психиатрия занимается традиционными представлениями о психических болезнях, их критериями в различных обществах, традиционными способами их распознавания и лечения. Особое внимание уделяется психическим заболеваниям «эндемичным» для определенной этнокультурной среды (амок у малайцев, арктическая истерия, иму у айнов и т. д.¹⁸). К транскультурной психиатрии непосредственно примыкает изучение этнокультурных аспектов, присущих так называемым измененным состояниям сознания, пограничным между нормой и патологией. Это галлюцинации, различные виды транса и одержимости, составляющие необходимый элемент многих ритуалов в традиционном обществе (культ вуду на Гаити, шаманизм и т. п.). Такие состояния считаются в этих обществах приемлемыми и желательными, поэтому с позиций культурного релятивизма патологией их назвать нельзя. Тем не менее их изучение тесно связано с клинической психологией и психиатрией¹⁹.

В обобщающих трудах последнего времени среди основных направлений психологической антропологии называют также исследования *этнокультурных особенностей восприятия и когнитивных процессов*. Наибольшую известность в этой области получили труды М. Коула и его сотрудников²⁰. В отличие от других данный раздел психологической антропологии практически не имеет традиций в американской этнологии. Отчасти он опирается методологически на гипотезу лингвистической относительности Сепира — Уорфа²¹. Однако основой работ школы М. Коула являются соответствующие разделы общей психологии. Теоретические исследования «культуры и мышления» восходят к концепции культурно-исторического развития психики, выдвинутой советским ученым Л. С. Выготским. Университетским учителем М. Коула был один из виднейших последователей Л. С. Выготского — А. Р. Лурия.

Отсутствие генетической связи с этнографической наукой и непосредственная опора на «академическую» психологию ставят школу «культуры и мышления» в пограничное положение между психологической антропологией и так называемыми кросс-культурными исследованиями (ККИ), представляющими второе важнейшее направление в современной американской этнопсихологии.

Если психологическая антропология сформировалась и продолжает развиваться в рамках этнографической науки, то кросс-культурные исследования (иногда называемые кросс-культурной психологией) возникли в ходе развития психологии²². Результаты ККИ публикуются в многочисленных психологических журналах. Выходят и периодические издания, специально посвященные такого рода исследованиям, например, «Журнал кросс-культурной психологии» («Journal of Cross-Cultural Psychology»); «Международный журнал межкультурных отношений» (International Journal of Intercultural Relations). Стимулом к первоначальному развитию ККИ стала осознанная психологами необходимость проверки любых выводов и гипотез на материале различных культур. Типичная работа, выполненная в рамках ККИ, ставит своей задачей подтверждение всеобщности той или иной психологической закономерности и/или выявление особенностей ее реализации в разных культурных средах. Например: являются ли все аспекты теории Ж. Пиаже о стадиях развития мышления у детей универсальными; какие из этих стадий могут изменяться в зависимости от культуры; какие соответственно действительны только в Швейцарии²³.

Понимание того, что любая психологическая закономерность в принципе должна быть подвергнута кросс-культурной проверке²⁴, следует считать методологическим достижением данной субдисциплины. Другим важным аспектом ККИ, на практике с трудом отделимым от первого, является валидизация на разном образном культурном материале различных психологических методик²⁵. Прежде всего перед исследователем встает задача адаптировать методику исследования с тем, чтобы его субъекты (респонденты), принадлежащие к иной культурной среде, могли выполнять предлагаемые им задания, не испытывая психологических трудностей. Это выдвигает определенные требования к предъявляемому стимульному материалу. Поэтому в ККИ обычно отдается предпочтение невербальным методикам перед вербальными и проективными перед непроективными. Среди проективных невербальных методик особое значение имеют тест тематической апперцепции (ТАТ) и тест Роршаха²⁶. Их применение в ККИ имеет свою специфику. Использование любой психологической методики в кросс-культурном плане преследует определенную цель помимо проверки самой методики. Например, проверка тех или иных закономерностей восприятия или выявление определенных стереотипов и имплицитных представлений. Что касается названных тестов, с ними дело обстоит иначе. В обычных психологических исследованиях ТАТ и тест Роршаха применяются с целью диагностики определенных типов личности. ККИ, как правило, не стремятся к выявлению типов личности, присущих тем или иным культурам, так как подобные исследования со времен школы исследований культуры и личности утратили популярность. При-

менение тестов ТАТ и Роршаха в различных культурах ставит своей задачей выявить культурные особенности *интерпретации* элементов этих тестов, т. е. представляет собой самостоятельное направление в рамках ККИ.

В целом же «отраслевая структура» ККИ отражает структуру современных психологических исследований вообще. Для примера можно привести некоторые из затрагиваемых в сравнительно-культурном плане тем: лидерство и социальный климат в семье и на производстве²⁷; подверженность оптическим иллюзиям²⁸; модели межпоколенной передачи норм поведения²⁹; сексуальность и половые роли³⁰; отношение к семейным ролям в браке³¹; восприятие и оценка выражений лица³²; потребность в аффилиации и агрессии³³ и т. д.

В психологических исследованиях прикладного характера растет популярность культурных измерений. Все больше работ посвящается, например, изучению культурных различий в психологических аспектах труда, причем часто материалом для исследований служит опыт работы транснациональных корпораций³⁴. Наибольшее развитие в рамках ККИ получили естественно те области исследования, которые наиболее интенсивно разрабатываются в общей и социальной психологии. Можно сказать, что современные ККИ являются своеобразной «проекцией» всех разделов психологии на культурное разнообразие человечества. Поэтому довольно трудно определить границы предметной области кросс-культурной психологии как субдисциплины, так как она не обладает собственной теоретической основой.

«У кросс-культурной психологии мало собственных теорий, скорее она использует множество широких теоретических концепций для организации сбора данных и их анализа. Однако, кросс-культурная психология обладает присущим только ей набором методов. Таким образом, кросс-культурные исследования определяются скорее не теорией, а методологией»³⁵. Методологически ККИ во многом опираются на понятие культуры. Однако выработанные в рамках ККИ определения обычно носят прикладной характер, не учитывающий концепции культуры, созданные в этнографии и культурологии. Например, Дж. Манастер и Р. Хевихерст рассматривают культуру как «общий набор типов поведения и установок, полученных с помощью научения». По мнению этих исследователей, «... группа подростков Чикаго, например, может представлять несколько культур. Они представляют культуру США, культуру своей половой группы, культуру своей социально-классовой группы и культуру своей возрастной группы. Национальная культура — лишь один из факторов, детерминирующих то, как люди ведут себя и воспринимают мир»³⁶. Приведенное высказывание свидетельствует о том, что психологи, занимающиеся ККИ, рассматривают этническую принадлежность человека как один из стандартных параметров, по которым ведутся социально-психологические и социологические исследования (пол, возраст, профессия, социальный статус и т. д.).

Еще более необычны для этнографа взгляды Х. Триандиса, который считает, что «в понятие культуры не входят понятия национальности, расы, религии, пола или общественного класса». Включаются только понятия: 1) времени, «поскольку мы интересуемся отдельным историческим периодом» 2) места, «поскольку мы придаем особое значение межличностным контактам или политической организации»; 3) языка, «поскольку для нас особое значение имеет взаимопонимание (взаимонепонимание)»³⁷. Такой подход означает недостаток внимания к теоретической разработке понятия культуры, анализу его взаимосвязей с такими категориями, как этнос, социальная группа и т. д.

Мы видим, что исследователи кросс-культурной психологии крайне далеки от анализа психологических особенностей этнических общностей. В связи с этим заметим, что такая тенденция, хотя и в меньшей степени, свойственна также представителям психологической антропологии, изучающим не столько этнические, сколько культурные общности. Поэтому неслучайно, что в американской науке (в отличие от советской или, например, от французской) термин «этно-

психология» не получил широкого распространения и его употребление в заголовке нашей статьи в значительной мере условно.

Итак, психологическая антропология и кросс-культурные исследования — две субдисциплины, изучающие, каждая под своим углом зрения, этнические особенности психики. Эти направления различаются прежде всего своими исследовательскими парадигмами. Кросс-культурные исследования несут, как правило, экспериментальный, статистический характер, включают в себя формулировку и проверку гипотез, построение экспериментального аппарата, конструирование лабораторной ситуации, создание определенных контролируемых условий. Психологическая лаборатория создает зачастую искусственную ситуацию, надуманный характер которой отчасти объясняется тем, что она вписана не в широкий социокультурный контекст, а только в контекст самого исследования.

Основные методы психологической антропологии — *наблюдение и понимание*. (Последнее, несомненно, требует от исследователя не только навыков, но интуиции и особого дара психологического перевоплощения. Один из выдающихся исследователей такого рода — упоминавшийся ранее Ф. Сью). В противоположность психологам, работа антрополога связана с естественными ситуациями в полевых условиях, которые контролируются исследователем минимально, хотя иногда (особенно при оценке личности) используют экспериментальные процедуры и тестирование. Антропологи пытаются понять специфические типы поведения в широком культурном контексте, так как убеждены, что поведение можно понять, только зная, как оно укладывается в рамки широкой социокультурной ситуации. Полевой исследователь стремится полностью «погрузиться» в чужую культуру и понять наблюдаемое поведение с точки зрения наблюдаемых людей. «Антропологические методы стремятся не допустить прямого вмешательства и, соответственно, обратной реакции. Антропологи наблюдают, участвуют, учатся с надеждой *понять*. Это наша невысказанная парадигма, находящаяся в резком противоречии с экспериментированием, которое, по мнению многих антропологов, игнорирует контекст. Антропологам присуща натуралистическая, эмическая стратегия, связанная с участием и не допускающая вмешательства»³⁸.

Лингвист К. Пайк выдвинул положение о двух возможных подходах к явлениям, изучаемым в гуманитарных науках. Он определил *этический* подход как универсалистский, использующий единицы анализа и сравнения, которые считаются свободными от культурного влияния. В противоположность этому *эмический* подход культурно специфичен. Нельзя заранее знать, каковы эмические единицы анализа, ибо их обнаружение является одной из целей исследования. Поэтому при эмическом подходе нельзя заранее формулировать какие-либо гипотезы.

Эмический подход дает описание культурной системы не извне, а изнутри, с точки зрения участника данной системы³⁹. Исходя из этой теории, позицию психологической антропологии можно определить как *эмическую*, а кросс-культурных исследователей — как *этическую*. Различие изначальных установок и основных методов двух субдисциплин ведет и к различным критериям достоверности полученных данных. Психологи ищут закономерности, которые действуют несмотря на различия между культурными группами. «Рискованно извлекать выводы из получаемых различий. С другой стороны, при установлении сходства мы чувствуем себя более уверенно»⁴⁰. А поскольку межкультурные различия весьма наглядны, направленность ККИ на «поиск сходства» способствовала разработке сложной системы проверки надежности используемых методик и контроля извлекаемых с их помощью данных.

Антропологи же, напротив, ищут в изучаемых явлениях не столько сходство, сколько культурные различия. Достоверность выводов основывается главным образом на строгости логических рассуждений, точности наблюдений и интуиции исследователя.

В последнее время некоторые специалисты не удовлетворяются дихотомией «эмический» — «этический», полагая, что эмический подход в чистом виде невозможен, ибо исследователь никогда не может полностью освободиться от при-
сущих его культуре схем мышления⁴¹. Ставится задача более детальной разработки логических аспектов сравнительно-культурных исследований⁴².

Существующие различия между психологической антропологией и ККИ, однако, не препятствуют зарождающемуся сближению между ними. По мнению Р. Эджертона, лучшим примером этому служат работы М. Коула и его сотрудников. Будучи по образованию психологом, М. Коул экспериментально, в традициях ККИ изучает мышление и восприятие различных народов. Но при этом он старается интерпретировать данные с позиций психологической антропологии, т. е. учитывать весь сложный культурный контекст, придающий своеобразие наблюдаемым явлениям. Коул проводит «этические сравнения, основанные на эмических эквивалентах»⁴³. Такой подход обеспечивает успех его исследований.

В заключение хотелось бы отметить, что в ходе развития психологической антропологии и особенно эмпирически направленных кросс-культурных исследований накоплен огромный фактический материал. Все полученные данные в закодированном виде хранятся в Региональном архиве человеческих отношений (Human Relations Area Files; HRAF), находящемся в США. Информация о нескольких тысячах этносов, хранящаяся в архиве, сгруппирована по тематическим рубрикам⁴⁴. Материалами HRAF пользуются ученые обеих субдисциплин для статистической проверки гипотез и для проведения более содержательных обобщений.

Примечания

¹ См., например: *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 148—170; *Артаковский С. Н.* Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967; *Соколов Э. В.* Культура и личность. Л., 1972; *Токарев С. А.* История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 270—286; *Суворова Д. Г.* Критика этнопсихологических концепций современной буржуазной социологии. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Алма-Ата, 1971.

² См., например: Современная зарубежная этнопсихология. Реферат. Сборник / Под ред. Арутюнова С. А., Еремина Г. И и др. М., 1979; Лишь совсем недавно появился содержательный очерк: *Белик А. А.* Психологическое направление в этнологии США. От исследования «культура и личность» к психологической антропологии // Этнология в США и Канаде / Ред. Веселкин Е. А., Тишков В. А. М., 1989.

³ См., например: *Klineberg O.* Tensions Affecting International Understanding // Social Science Research Council. № 62. 1950; *White L. A.* Review of Kroeber's Culture Configurations // American Anthropologist. 1948. № 48. P. 78—93; *Spiro E.* Culture and Personality: The Natural History of a False Dichotomy // Psychiatry. 1951. № 14. P. 19—46.

⁴ О критике теоретических и методологических основ этнопсихологической школы на конференции 1952 г. в Нью-Йорке. См.: *Аверкиева Ю. П.* Материалы Нью-Йоркского съезда этнографов // Сов. этнография (далее СЭ). 1955. № 4.

⁵ Psychological Anthropology / Ed. Hsu F. L. K. Homewood (Ill.), 1961; Cambridge (Mass.), 1972.

⁶ Personalities and Cultures: Readings in Psychological Anthropology / Ed. Hunt R. Garden City (N. Y.), 1967; *Bourguignon E.* Psychological Anthropology, N. Y., 1979; The Making of Psychological Anthropology / Ed. Spindler G. D. Berkeley etc., 1978.

⁷ Psychological Anthropology / Ed. William Th. R. Paris; The Hague, 1975.

⁸ «Психологизирование — глубоко укоренившаяся черта большинства книг по культурной антропологии». См.: *Harris M.* The Rise of Anthropological Theory. N. Y., 1968. P. 395, 397.

⁹ *Linton R.* The Cultural Background of Personality, N. Y., 1945. P. 38.

¹⁰ *Spindler G.* Introduction to Part 1 // The Making of Psychological Anthropology / Ed. Spindler J. Berkeley, 1978. P. 10—11.

¹¹ *Bourguignon E.* Op. cit. P. 121.

¹² *Whiting B. B., Whiting J. W. M.* Children of Six Cultures: A Psychocultural Analysis. Cambridge, 1975; Six Cultures: Studies of Child Rearing / Ed. Whiting B. B. N. Y., 1963. См. также: *Субботский Е. В.* Детство в условиях разных культур // Вопр. психологии. 1979. № 6. С. 144—151; *Кон И. С.* Проблема детства в современной американской этнопсихологии (об исследованиях Дж. и Б. Уайтинга) // СЭ. 1977. № 5. С. 148—158; *его же.* Этнография детства // СЭ. 1981. № 5. С. 3—14; *его же.* Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М., 1988.

- ¹³ См., например: *Hsu F. L. K.* The Study of Literate Civilizations. N. Y., 1969; *Idem.* Americans and Chinese: Purpose and Fulfillment in Great Civilizations. N. Y., 1970; *idem.* Rugged Individualism Reconsidered: Essays in Psychological Anthropology. Knoxville (Tennessee), 1983.
- ¹⁴ Достаточно полный обзор этих исследований с элементами критического анализа см. в кн.: *Duijker H. C. J., Frijda N. H.* National Character and National Stereotypes. Amsterdam, 1960. (Реферат этой монографии см. в сб. «Современная зарубежная этнопсихология». М., 1979. С. 23—44).
- ¹⁵ *Encyclopedia of Anthropology.* N. Y., 1976. P. 281.
- ¹⁶ *Hofstede Y.* National Cultures Revisited // *Behavior Science Research.* 1983. Vol. 18. № 4. P. 285—305.
- ¹⁷ *Benedict R.* Anthropology and Abnormal // *J. of General Psych.* 1934. Vol. X. № 2.
- ¹⁸ *Bourguignon E.* Op. cit. P. 280—287.
- ¹⁹ *Opler M. K.* Culture and Social Psychiatry. N. Y., 1967; *Bourguignon E.* Spirit Possession and Altered States of Consciousness: The Evolution of an Inquiry // *The Making of Psychological Anthropology* / *Spindler J.* Berkeley, 1978; P. 479—518. См. последние работы: *Prince R., Tcheng-Laroche F.* Culture-Bound Syndromes and International Disease Classification // *Culture, Medicine and Psychiatry.* 1987. V. 11. № 1. P. 3—19; *Davidson L.* The Cross-Cultural Therapeutic Dyad // *Contemporary Psychoanalysis.* 1987. Vol. 23. № 4. P. 659—675; *Way R. T.* Burmese Culture, Personality and Mental Health // *Austral. and New Zealand J. of Psychiatry.* 1985. Vol. 19. № 3. P. 275—282.
- ²⁰ *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М., 1977. См. также: *Гринфилд Д., Брунер Дж.* Культура и познавательное развитие // *Брунер Дж.* Психология познания. М., 1977.
- ²¹ *Whorf B. L.* Language, Thought and Reality. N. Y. 1956; *Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи. М.; Л., 1934; *Уорф Б. Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // *Новое в лингвистике.* Вып. 1. М., 1960. С. 135—168; *Брутян Г. А.* Гипотеза Сепира — Уорфа. Ереван, 1968; *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В.* «Культурный язык» Л. С. Выготского и гипотеза Сепира — Уорфа // *Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР.* М., 1982. С. 5—27.
- ²² Фундаментальную сводку результатов этих исследований, включающую обширную библиографию, представляет собой шеститомное руководство: *Handbook of Cross-Cultural Psychology* // *Eds. Triandis A. C., Lambert W. W.* Boston etc., 1980. Vol. 1, Perspectives Vol. 2. Methodology, Vol. 3. Basic Processes. Vol. 4. Developmental Psychology. Vol. 5. Social Psychology. Vol. 6. Psychopathology. К сожалению, труды по кросс-культурной психологии почти не переводятся на русский язык. Можно указать лишь следующую работу: *Триандис Г., Малласс Р., Дэвидсон Э.* Психология и культура // *История зарубежной психологии. Тексты* / *Гальперин П. Я., Ждан А. Н.* М., 1986. С. 293—312.
- ²³ Следует отметить, что начало такого рода исследованиям положила работа М. Мид (*Mead M.* An Investigation of the Thought of Primitive Children, with Special Reference to Animism. A Preliminary Report // *J. of Royal Anthropol. Inst. Great Britain a. Ireland.* L., 1932. Vol. 62. Pt. 1. P. 173—190).
- ²⁴ См. об этом: *Clark L. A.* Mutual Relevance of Mainstream and Cross-Cultural Psychology // *J. Consulting and Clinical Psychology.* 1987. Vol. 55. № 4. P. 461—470.
- ²⁵ Из работ, посвященных кросс-культурной валидации различных тестов, см., например: *Hansen J.* Cross-Cultural Research on Vocational Interests // *Measurement and Evaluation in Counseling and Development.* 1987. Vol. 19. № 4. P. 163—176; *Kunkel J. H.* The Vicos Project: A Cross-Cultural Test of Psychological Propositions // *Psychological Record.* 1986. Vol. 36. № 4. P. 451—466; *Eysenk S., Jamison R. N.* A Cross-Cultural Study of Personality: American and English Children // *J. Soc. Behavior and Personality.* 1986. Vol. 1. № 2. P. 199—207.
- ²⁶ *Lindzey G.* Projective Techniques and Cross-Cultural Research. N. Y., 1961; *Moon T., Cundick B.* Shifts and Constancies in Rorschach Responses as a Function of Culture and Language // *J. Personality Assessment.* 1983. Vol. 47. № 4. P. 345—349. На русском языке о проективных методах см.: *Соколова Е. Т.* К теоретическому обоснованию проективного метода исследования личности // *Бессознательное: природа, функции, методы исследования.* Т. 3. Тбилиси, 1978. С. 622—632.
- ²⁷ *Warner R. L., Lee J. R., Lee J.* Social Organization, Spousal Resources and Marital Power: A Cross-Cultural Study // *J. Marriage and the Family.* 1986. Vol. 48. № 1. P. 121—128; *Savery L. K., Swain P. A.* Leadership Style: Differences Between Expatriates and Locals // *Leadership and Organizational Development J.* 1985. Vol. 6. № 4. P. 8—11.
- ²⁸ *Ausburn F., Ausburn L.* Visual Analysis Skills among Two Populations in Papua New Guinea // *Educational Communication and Technology Journal.* 1983. Vol. 31. № 2. P. 112—122.
- ²⁹ *Bobad L., Alexander I.* Returning the Smile of the Stranger. Developmental Patterns and Socialization Factors // *Monographs of the Society for Research in Child Development.* 1983. Vol. 48. № 5. P. 1—65; *Ekstrand J., Ekstrand L. H.* How Children Perceive Parental Norms and Sanctions in Two Different Cultures // *Educational and Psychological Interactions.* 1986. № 88. 28 p.
- ³⁰ *Davenport W. H.* Sex in Cross-Cultural Perspective // *Human Sexuality in Four Perspectives.* Baltimore; London, 1977. P. 155—163; *Fleming A. B.* Sex Differences and Cross-Cultural Studies // *Women and Therapy.* 1985—1986. Vol. 4. № 4. P. 23—32.
- ³¹ *Chia R. C., Chong C. J., Cheng B. S., et al.* Attitude toward Marriage Roles among Chinese and American College Students // *J. Soc. Psychology.* 1986. Vol. 126. № 1. P. 31—35.
- ³² *Kulbridge J., Yarczower M.* Ethnic Bi'as in the Recognition of Facial Expressions // *J. Nonverbal Behavior.* 1983. Vol. 8. № 1. P. 21—41; *Ekman P., Friesen W. V., O'Sullivan M. et al.* Universals and Cultural Differences in the Judgements of Facial Expressions of Emotion // *J. Personality and Social Psychology.* 1987. Vol. 53. № 4. P. 712—717.

- ³³ *Husain A.* Ingroup-Outgroup Perceptions of Hindus and Muslims on Needs Affiliation and Aggression // *Perspectives in Psychological Researches*. 1984. Vol. 7. № 1. P. 25—29.
- ³⁴ *Krishnan A., Krishnan R.* Organizational Variables and Job Satisfaction // *Psychological Research Journal* 1984. Vol. 8. № 1—2. P. 1—11; *Earley P.* Trust, Perceived Importance of Praise and Criticism, and Work Performance: An Examination of Feedback in the United States and England // *J. of Management*. 1986. Vol. 12. № 4. P. 457—473; *Gomez — Mejia, Luis T.* The Cross-Cultural Structure of Task-Related and Contextual Constructs // *J. Psychology*. 1986. Vol. 120. № 1. P. 5—19.
- ³⁵ *Triandis H. C.* Introduction // *Handbook of Cross-Cultural Psychology* / Eds Triandis H. C., Lambert W. W. Boston, 1980. Vol. 1. P. 6.
- ³⁶ *Manaster J., Havighurst R. I.* Cross-National Research: Social Psychological Methods and Problems. Boston, 1972. P. 1.
- ³⁷ *Triandis H. C.* Op. cit. P. 2.
- ³⁸ *Edgerton R. B.* Cross-Cultural Psychology and Psychological Anthropology: One Paradigm or Two? // *Review in Anthropology*. 1974. № 1. P. 52—64.
- ³⁹ *Pike K.* Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior. The Hague, 1966.
- ⁴⁰ *Jahoda G.* Theoretical and Systematic Approaches in Cross-Cultural Psychology // *Handbook of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 1. P. 121.
- ⁴¹ *Feleppa R.* Emics, Etics and Social Objectivity // *Current Anthropology*. 1986. Vol. 27. № 3. P. 243—255.
- ⁴² *Ekstrand G., Ekstrand L. H.* Developing the Emic and Etic Concepts for Cross-Cultural Comparisons // *Educational and Psychological Interactions*. 1986. № 86. 55 p.
- ⁴³ *Edgerton R.* Op. cit. P. 62.
- ⁴⁴ *Lagace R. O.* Nature and Use of the HRAF Files. New Haven, 1974. См. также *Кон И. С.* Ребенок и общество... С. 24—31.